

УДК 343.3

КРИМИНАЛЬНЫЕ БАНКРОТСТВА: ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА*Е. Н. Разыграева***CRIMINAL BANKRUPTCY: ISSUES SUBJECT MATTER DETERMINATION***E. N. Razygraeva*

Настоящая статья посвящена вопросам определения субъектного состава криминальных банкротств, то есть преступлений, предусмотренных статьями 195, 196 и 197 УК РФ. Исследование проведено на основании результатов расследования уголовных дел следователями следственных органов по Кемеровской области в период с 1997 г. по настоящее время. Цель настоящего исследования – выработать основные критерии определения субъектного состава криминальных банкротств для совершенствования борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере применения института несостоятельности (банкротства). Методы исследования: исторический, формально-логический, методы статистического анализа и изучения документов. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе. По результатам исследования автор формулирует критерии разграничения криминальных банкротств.

The paper is devoted to the issues of determining the subject matter of criminal bankruptcies, i.e. the crimes stipulated in Articles 195, 196 and 197 of the Criminal Code. The study was conducted based on the results of criminal investigations by investigative bodies in Kemerovo region in the period from 1997 up to the present. The purpose of this research was to develop basic criteria for determining the subject composition of criminal bankruptcy to improve the struggle against crime committed in the scope of the institution of insolvency (bankruptcy). The author used historical, and formal logic research methods and the methods of statistical analysis and study of documents. The present study can be used in law enforcement and scientific activities in the learning process. According to the study the author formulates the criteria for distinguishing criminal bankruptcy.

Ключевые слова: субъекты правонарушений при банкротстве, преднамеренного банкротства, фиктивного банкротства.

Keywords: subjects of misconduct in bankruptcy, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy.

С переходом России на рыночную экономику в стране появились новые общественные отношения в сфере экономической деятельности, в том числе и в области применения института несостоятельности (банкротства). Механизмы финансового оздоровления и банкротства неплатежеспособных предприятий играют важную роль в экономических отношениях хозяйствующих субъектов, так как позволяют восстанавливать те предприятия, которые могут производить конкурентоспособную продукцию и приносить прибыль, а также выводить с рынка ряд нежизнеспособных организаций, которые ставят под угрозу интересы своих деловых партнеров и порождают лавину неплатежей в масштабах всей страны. Основным нормативным правовым актом, регламентирующим процедуру признания должника несостоятельным (банкротом), является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] (далее – Закон о несостоятельности 2002 г.), принятый взамен ранее действовавшего одноименного Закона от 8 января 1998 г. Принятие уже третьего, начиная с 1992 г., закона о банкротстве направлено на устранение пробелов, допущенных законодателем при регламентации проведения процедуры банкротства, следствием которых явился значительный рост числа нарушений и злоупотреблений в этой сфере.

Как показывает правоприменительная практика, для некоторых лиц институт банкротства нередко служит орудием для реализации своих противоправных интересов. Это, в частности, возможность уйти от исполнения принятых такими лицами гражданско-правовых обязательств, так как особенность института банкротства состоит в том, что после завершения процедуры банкротства неудовлетворенные по при-

чине недостаточности имущества должника требования считаются погашенными. Криминальные элементы используют это положение для того, чтобы уклониться от уплаты долгов законным способом, имитируя для этого банкротство. Кроме того, нередко в процессе банкротства преднамеренно разваливаются предприятия, вполне имеющие возможность для своего рентабельного существования и развития на рынке. В этом случае институт банкротства используется в качестве инструмента для получения преступной сверхприбыли, дальнейшего передела собственности и сфер преступного влияния на экономику страны. При указанной ситуации процедура банкротства требует не только эффективного гражданско-правового регулирования, но и надлежащей уголовно-правовой охраны. Злоупотребления в этой сфере преследуются уголовным законом с 1 января 1997 г. Ст. 195, 196, 197 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за противоправные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство, которые входят в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности».

Однако, как показывает анализ следственной и судебной практики, при возбуждении и расследовании уголовных дел о криминальных банкротствах возникают определенные проблемы квалификации, обусловленные, наличием противоречий между содержанием признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК России, и норм гражданского законодательства, регулирующих отношения в области применения института несостоятельности (банкротства). Проблемы квалификации обусловлены и тем, что легальное толкование определений, терминов и понятий, используемых законодателем в диспозициях статей, отсутствует. Позиции же, выра-

ботанные в науке уголовного права при рассмотрении признаков криминальных банкротств, противоречивы. Кроме того, применение анализируемых норм усложняет и отсутствие единообразной судебной практики по криминальным банкротствам и, соответственно, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по указанной категории дел. Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ [4] были внесены изменения в ст. 195 – 197 УК России, но и они не устранили имеющиеся противоречия.

Проведенный анализ уже сложившейся практики применения указанных норм, установление основных проблем квалификации и толкования отдельных признаков составов преступлений правоприменителями, позволил мне провести сопоставление норм в новой и прежней редакции, выделить достоинства и недостатки всех внесенных законодателем изменений и дополнений в ст. 195 – 197 УК России на основании Федерального закона от 19 декабря 2005 г., которые, хотя и устранили часть имевших место ранее проблем при применении указанных норм, но некоторые из них остались нерешенными. В связи с чем мною были сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм, которые должны устранить имеющиеся противоречия, сложившиеся еще до внесения соответствующих изменений в ст. 195 – 197 УК России.

В частности, мною сделан вывод о необходимости расширения перечня субъектов криминальных банкротств. Для обоснования подобного вывода мною был проведен анализ всех учтенных законодателем и неучтенных субъектов, которые обладают распорядительными полномочиями и имеют возможность совершать анализируемые преступления, который подтвержден материалами судебной и следственной практики.

Так, УК России в редакции Федерального закона от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ выделяет три разновидности субъектов криминальных банкротств, которые относятся к категории специальных: руководитель юридического лица (ч. 2 ст. 195, ст. 196 и 197 УК); учредитель (участник) юридического лица (ч. 2 ст. 195, ст. 196 и 197 УК); индивидуальный предприниматель (ч. 2 ст. 195, ст. 196 и 197 УК). Диспозиции ч. 1 и 3 ст. 195 УК не содержат указаний на субъектов преступлений.

Правоприменители считают оптимальным описание признаков субъекта преступления в диспозиции статей, поскольку этим самым законодатель снимает проблему его установления. Вместе с тем у законодательного варианта описания субъекта есть и минусы. Как показывает практика, совершать противоправные действия, ответственность за которые по УК несут только руководители, последние предлагают подчиненным им лицам или представителям. В частности, руководители по доверенности уполномочивают иных лиц заключать заведомо невыгодный договор в целях доведения коммерческой организации до банкротства. Несмотря на то, что руководитель передает свою функцию – заключать договоры иному лицу, тот руководителем не становится (так как в соответствии со ст. 2 Закона о несостоятельности 2002 г. руководителем признаются лица, осуществляющие деятельность от имени юридического лица без доверенности). Так,

директор ЗАО «Фабрика ремонта и пошива обуви» (ЗАО «ФРПО») Х. с целью ликвидации ЗАО «ФРПО» и создания на его базе ООО «Прокопьевская обувная фабрика» (ООО «ПОФ») оформил на бывшего директора ЗАО «ФРПО» Т. доверенность, по которой она передала все имущество ЗАО «ФРПО» в собственность Х. После передачи имущества Х. сложил свои полномочия, а директором ЗАО «ФРПО» вновь стала Т. В дальнейшем конкурсным управляющим был составлен иск о признании сделок по отчуждению имущества Х. недействительными, который был удовлетворен арбитражным судом [1].

Учитывая, что криминальные банкротства совершают воистину предприимчивые лица, имеющие, как правило, высшее образование (*Примеч. автора: Изучение уголовных дел анализируемой категории с 1997 г. по настоящее время по Кемеровской области показало, что все они (100 %) совершены лицами с высшим образованием*) и возможность получить квалифицированную юридическую помощь. Можно прогнозировать увеличение аналогичных или подобных ситуаций.

Кроме того, в процессе исследования мною было установлено, что помимо учтенных специальных субъектов криминальных банкротств реальную возможность совершения рассматриваемых преступлений имеют арбитражные управляющие (временные, административные, внешние, конкурсные), руководители временной администрации кредитной организации. К потенциальным субъектам рассматриваемых преступлений можно отнести и руководителей ликвидационных комиссий (ликвидаторов), а также бухгалтеров.

Действующее законодательство о несостоятельности наделяет арбитражного управляющего чрезвычайно широкими полномочиями в отношении должника, в том числе полномочиями распорядительного характера, что предполагает возможность совершения недобросовестными представителями этой группы запрещенных уголовным законом действий с имуществом, имущественными обязательствами и бухгалтерской документацией должников. Злоупотребления арбитражных управляющих реально причиняют вред как законным интересам кредиторов, так и интересам самого должника, руководитель которого лишается распорядительных полномочий и возможности влиять на управляющего. Поэтому вполне закономерно возникает вопрос о привлечении арбитражных управляющих к уголовной ответственности за совершенные злоупотребления. Однако арбитражные управляющие не названы законодателем в качестве специальных субъектов криминальных банкротств. В связи с этим в юридической литературе делались попытки отождествления арбитражного управляющего с предусмотренными законодателем субъектами криминальных банкротств, в частности с руководителем организации-должника как вариант разрешения обозначенной проблемы.

Действительно, в соответствии с п. 4 ст. 20 Закона о несостоятельности 2002 г. руководящей признается работа в качестве руководителя юридического лица или его заместителя, а также деятельность в качестве арбитражного управляющего при условии исполнения обязанностей руководителя должника. В пункте 5 ст. 20 Закона о несостоятельности 2002 г. закреплено положение, согласно которому, если в соответствии с

Законом на арбитражного управляющего возлагаются полномочия руководителя должника, на него распространяются все требования и по отношению к нему применяются все меры ответственности, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ для руководителя такого должника.

Кроме того, в ч. 3 ст. 195 УК законодатель предусматривает в качестве обстановки совершения преступления период, когда на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации возложены функции руководителя юридического лица либо кредитной организации соответственно.

Таким образом, можно сделать вывод, что на арбитражных управляющих действие анализируемых норм (за исключением ч. 3 ст. 195, ст. 197 УК) может распространяться в той же мере, как и на руководителей организаций, когда имеется прямое указание закона о возложении на управляющих полномочий последних. В Законе о несостоятельности 2002 г. такое указание встречается применительно к процедуре внешнего управления (абз. 2, 4 п. 1 ст. 94) и конкурсного производства (п. 1 ст. 129).

Между тем, как следует из анализа законодательства, правилом п. 5 ст. 20 Закона о несостоятельности 2002 г. не охватываются действия иных категорий арбитражных управляющих. Речь идет о временных и административных управляющих, которые действуют при введении процедур наблюдения и финансового оздоровления наряду с руководителями организаций-должников. Конечно, их можно привлечь к уголовной ответственности в качестве соучастников анализируемых преступлений: организаторов, пособников или подстрекателей. Однако как быть в ситуации, когда именно арбитражными управляющими фактически совершаются действия, закрепленные в диспозициях рассматриваемых статей?

Шаги в указанном направлении предпринимались авторами Проекта изменений в УК России, которые предусмотрели в качестве субъекта преступления, указанного в ст. 195 УК, «лицо, выполняющее управленческие функции в организации-должнике». Определение последнего давалось в примечании к данной статье, где под таковым признавалось лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные и/или административно-хозяйственные функции в организации-должнике, в том числе арбитражный управляющий [3]. Тем не менее в Федеральном законе «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ упоминание о таком субъекте криминальных банкротств уже отсутствует.

К категории неучтенных субъектов можно отнести и упомянутого выше руководителя временной администрации кредитной организации, который обладая распорядительными функциями после отстранения от должности руководителя кредитной организации, имеет реальную возможность совершить преступные действия, ущемляющие интересы как кредиторов, так и самой кредитной организации. Однако, исходя из формального содержания ст. 195, 196 УК в

новой редакции, противоправные действия указанной категории лиц не подпадают под признаки криминальных банкротств, и в этой части нормы требуют законодательной корректировки, как и применительно к временным и административным управляющим.

В литературе справедливо обращается внимание на то, что к потенциальным субъектам рассматриваемых преступлений можно отнести руководителей ликвидационных комиссий (ликвидаторов) и бухгалтеров [2, с. 26]. Статьи 195, 196 УК России не могут быть инкриминированы указанным лицам, совершающим неправомерные действия при банкротстве либо преднамеренное банкротство все по той же причине – отсутствие их в исчерпывающем перечне специальных субъектов. Указанная ситуация также требует вмешательства законодателя.

Перечень неучтенных законодателем субъектов криминальных банкротств может быть продолжен в связи с многообразием охраняемых институтом несостоятельности интересов и многочисленным кругом участников конкурсного процесса. В связи с чем мною обосновывается необходимость включения законодателем в диспозиции ст. 195 – 197 УК общей формулировки, характеризующей субъектов криминальных банкротств, позволяющей расширить их перечень. Это «лица, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия». В примечании к норме необходимо изложить общие положения о том, кого относить к данной категории субъектов, включая лиц, совершающих юридически значимые действия по поручению руководителя организации.

Предлагаемые изменения, во-первых, предоставили бы большую «маневренность» правоприменителю в противодействии «находчивым» руководителям, а, во-вторых, позволили расширить круг субъектов за счет лиц, неучтенных законодателем, но также имеющих возможность определять деятельность организаций и давать обязательные для должника указания.

Считаю, что именно с этой позиции законодатель не упоминает в диспозициях ч. 1 и 3 ст. 195 УК о субъектах преступлений. Однако непоследовательность действий законодателя состоит в том, что в ч. 2 ст. 195, в ст. 196 и 197 УК вновь содержится исчерпывающий перечень субъектов, который расширительному толкованию не подлежит. Разъяснения же относительно того, кого относить к субъектам ч. 1 и 3 ст. 195 УК, отсутствуют, что позволяет правоприменителю необоснованно расширять их круг.

Это лишь одна из проблем, которая имеет место в настоящее время в правоприменительной практике при квалификации и расследовании криминальных банкротств. Но ее разрешение на законодательном уровне позволит добиться значительных успехов в борьбе с анализируемым общественно-опасным деянием. Не стоит забывать, что в последнее время законодатель стал все меньше реагировать на предложения ученых-правоведов по совершенствованию действующего законодательства. Поэтому мы должны общими усилиями добиваться внимания законодателя к решению проблем уголовного законодательства.

Литература

1. Архив СО при Рудничном РОВД г. Прокопьевска Кемеровской области за 2003 г. Уголовное дело № 51-893.
2. Кудрявцев А. Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством, на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
3. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части уточнения положений о преднамеренном и фиктивных банкротствах, неправомерных действий при банкротстве)». Режим доступа: [http://www.economy.gov.ru / MertRuntimeWeb/Commands Servlet?>](http://www.economy.gov.ru/MertRuntimeWeb/CommandsServlet?>).
4. Российская газета. 2005. 22 декабря.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

Информация об авторе:

Разыграева Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Общепрофессиональных дисциплин» филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в городе Кемерово, juravleva68@mail.ru.

Elena N. Razygraeva – Candidate of Law, Associate Professor, Assisatnt Professor at the Department of General Professional Disciplines, Kemerovo Branch of Russian State Vocational Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 17.09.2015 г.